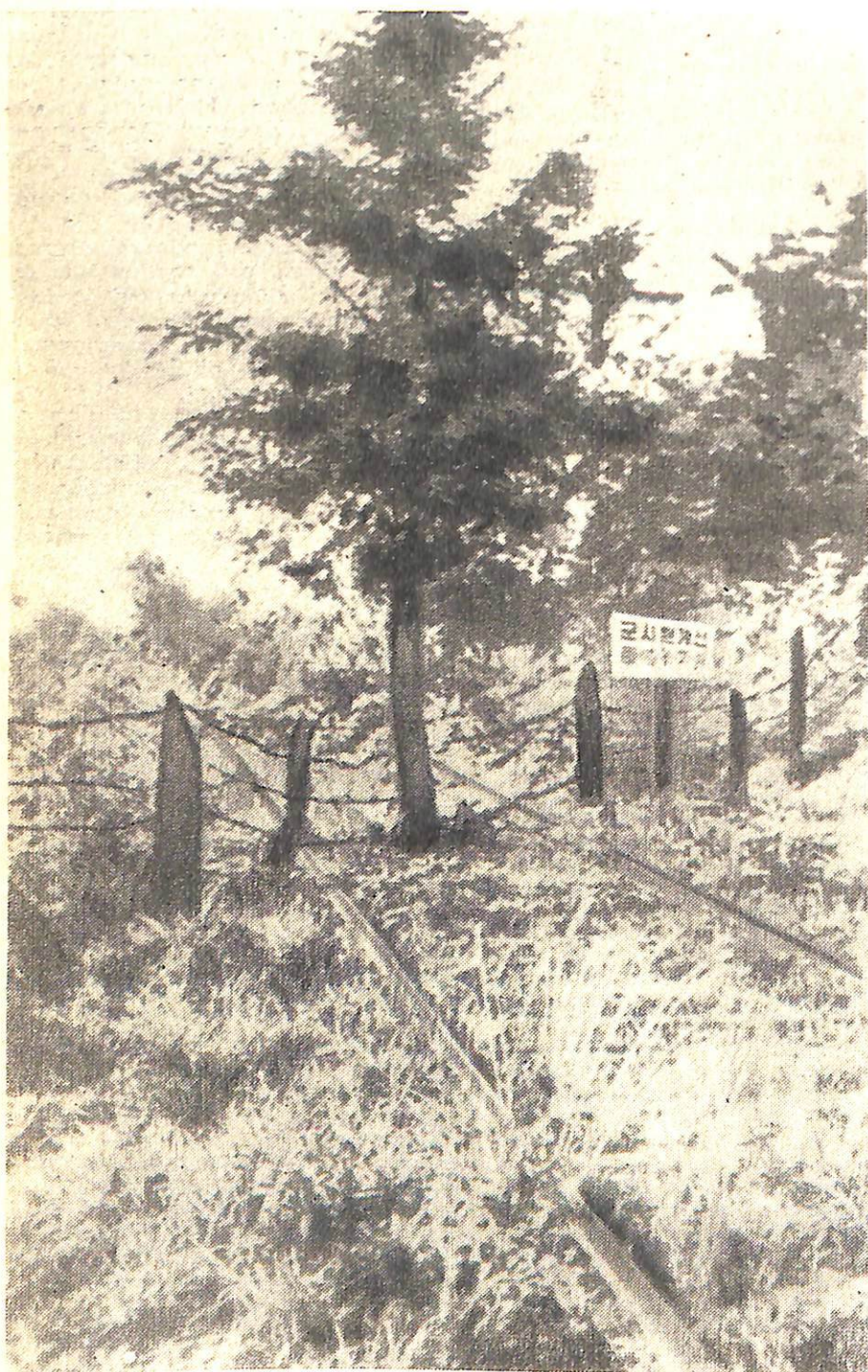

ДВА ЧАСА В ПАНЬМЫНЬЧЖОНЕ

МИХАИЛ КУРГАНЦЕВ

ТРЕННИЙ Кэсон очень красив. Из быстро рассеивающегося тумана выступают аллеи красноватых низкорослых сосен с причудливо изогнутыми стволами, очертания новых домов, облицованных разноцветной глазурованной плиткой.

Наша «Волга» неторопливо катится по широким улицам города. Мы проезжаем мимо эффектного Дворца учащихся и пионеров — вполне современного здания, увенчанного традиционной двускатной черепичной крышей. Еще поворот — и перед нами огромное шестибашенное сооружение — знаменитые Южные ворота Кэсона «Намдэун», которые были построены почти шесть столетий назад. Потемневший от времени кирпич оттенен зелено-красным орнаментом карниза...

Кэсон — один из древнейших городов Кореи. Именно он стал с X века столицей сильного средневекового государства Корё, от которого произошло нынешнее название страны. Кэсон не однажды грабили и разоряли чужеземцы — кидани, монголы, японцы. Но благодаря энергии и предприимчивости жителей город каждый раз вновь поднимался из развалин, обстраивался, богател и снова оглашал окрестности звоном огромного, в 17 тонн, колокола на воротах «Намдэун».

В начале 50-х годов нашего века о Кэсоне писала вся мировая печать. В Корею шла война против американских интервентов, и когда летом 1951 года Советское правительство выступило с призывом начать переговоры о прекращении огня, Кэсон стал местом начала этих переговоров, «городом перемирия».

На полотне железной дороги, которая когда-то соединяла Север и Юг, выросло дерево.

Наша небольшая группа — делегация Союза журналистов СССР. Нас трое — глава делегации, главный редактор «Казахстанской правды» Федор Михайлов, член редколлегии хабаровской газеты «Тихоокеанская звезда» Василий Панченко и автор этих строк. Мы держим путь на юг, где в десятке километров от Кэсона протекает военно-демаркационная линия, вот уже многие годы разделяющая Корею на Север и Юг.

Наш коллега, пхеньянский журналист Ким Нин Бо рассказывает:

— На 250 километров с запада на восток протянулась полоса заграждений, разорвавшая надвое живое тело Кореи, разлучившая сотни тысяч семей, родственников, близких. С течением времени все более значительными становятся различия между Севером и Югом, возникает угроза исчезновения национальной общности нашего народа. Это длится больше четверти века. Вот смотрите!

Ким Нин Бо протягивает нам фотографию: участок военно-демаркационной линии; столбы с колючей проволокой пересекают полотно железной дороги, некогда соединявшей Север и Юг. Вот уже много лет по этой трассе не ходят поезда, и между ржавыми рельсами прямо на полотне выросла красная сосна — дерево, столь же часто встречающееся в Корее, как береза в России.

«Волга» набирает скорость. Кэсон остается позади. По обе стороны дороги — тщательно ухоженные поля, небольшие рощи клена и маньчжурского ясеня, плантации табака и женьшеня. Кстати, знаменитый «корень жизни» вот уже несколько столетий возделывают в окрестностях Кэсона. Женьшень — по-корейски «инсам» — широко используется не только в медицине. В магазинах Кэсона продается женьшеневый чай. Обедая в ресторане, вы можете вместе с национальными блюдами — густо наперченной капустой «кимчи» и прозрачной, пересыпанной жареным луком лапшой «куксу» — заказать бутылку местной водки «самно», внутри которой плавают ветвистый корешок. С женьшенем изготавливаются конфеты, леденцы, мармелад, разнообразная косметика. Кэсонский «инсам» широко известен за пределами КНДР, успешно экспортируется в другие страны.

Шоссе полого идет в гору. Изредка вдоль обочины встречаются крестьяне в ватниках, ши-

роких штанах-паджи, белых матерчатых носках-посон и резиновых туфлях-комусинах. Некоторые едут на велосипедах. Туман уже совсем рассеялся, и нежаркое ноябрьское солнце отражается в плотно прилаженных полированных черепицах на крышах крестьянских домов. По соседству с жильем возвышаются четырехметровые вытяжные трубы отопления.

Отмечаем приметы новой, социалистической Кореи. По полю, мерно постукивая и переваливаясь, движется трактор. Вдоль горизонта тянется шеренга мачт электропередачи. У въезда в деревню застыл гипсовый всадник «Чоллима» — символ соревнования. И повсюду — стайки школьников в синей форме с красными галстуками.

То справа, то слева от нас мелькают караульные будки с вооруженными патрульными в светло-зеленой форме КНА — Корейской народной армии. Чувствуется приближение границы между Севером и Югом. Машина сворачивает влево, к приземистому одноэтажному зданию барачного типа. У входа — белый каменный обелиск. Это место, где был положен конец военным действиям в Корее.

Пожилой худощавый майор КНА вводит нас в пустой просторный зал. Посредине — три составленных вместе больших стола. На столах под стеклянными колпаками флаги: красный, с белыми и синими полосами по краям и большой пятиконечной звездой в белом круге — Народной Кореи и голубой, с изображением земного шара и пальмовых ветвей, — Организации Объединенных Наций.

— Вы находитесь в историческом зале, — говорит майор, — где 27 июля 1953 года было подписано соглашение о перемирии в Корее. Здесь зафиксировано первое в истории Соединенных Штатов военное поражение, признанное самими американцами. 400 тысяч убитых, раненых, плененных — таким был для Вашингтона итог войны. Она явилась тяжелым испытанием и для нашего народа. Погибли сотни тысяч людей, были разрушены и сожжены многие города и села. Вы видели Пхеньян — сегодня это большой, новый город. А в 1951 году в нем уцелело только три дома. 8700 промышленных предприятий, 600 тысяч жилых домов уничтожили захватчики! Нашей стране американская агрессия нанесла ущерб

в размере 420 миллиардов вон.

— Сейчас мы проедем немного на юг, — продолжает майор, — в Паньмыньчжон, в нейтральную зону, где работает Военная комиссия по перемирию. Это зона совместно охраняется обеими сторонами. С нашей стороны охрану несут корейцы, воины Народной армии. А власти Юга предпочитают американцев своим собственным, южнокорейским солдатам, и поэтому в Паньмыньчжоне мы «сотрудничаем» с американской военной полицией. Вы это увидите собственными глазами.

Покидаем «зал перемирия». Снова дорога, снова караульные будки. Мы уже привыкли к ним, к ладным фигурам народноармейцев с автоматами наперевес. Но что это? Обычная караулка. А рядом с ней — два рослых, светлых солдата в белых касках, в голубых куртках с широкими белыми ремнями. На касках, на больших нарукавных повязках четко выделяются буквы «МР» — «эм-пи». Солдаты американской военной полиции. До неправдоподобия похожие на свои изображения в газетах и журналах всего мира. Чужеземные солдаты. Стоят, широко расставив ноги. Невозмутимы. Жуют, как положено, жевательную резинку. Нас пропускают без проволок.

Нейтральная зона. Уже не КНДР. Еще не Южная Корея. Мы въезжаем на небольшую площадку. Шеренга однотипных деревянных коттеджей, выкрашенных в белый и голубой цвет. Здесь проходят заседания Военной комиссии и размещаются различные вспомогательные службы. На южной стороне — многоцветная башенка, стилизованная в духе традиционной буддийской архитектуры. Это «пагода мира», построенная южнокорейскими властями. На северной стороне — строгое двухэтажное здание из белого камня. В нем обычно располагаются гости КНДР, посещающие Паньмыньчжон.

За восемнадцать с лишним лет число нарушений перемирия с американской стороны, которые были предметом официального протеста КНДР, достигло 80 тысяч. У многих в памяти шпионский рейд американского самолета «ЕС-121», сбитого в 1969 году зенитниками КНА, авантюра разведывательного судна «Пуэбло», экипаж которого вместе с кораблем был взят в плен в январе 1968 года военными мо-

ряками Народной Кореи, а затем с позором выдворен из страны после извинительного письма властей США. Не раз зал заседаний Военной комиссии становился ареной разоблачения грубых провокаций Пентагона и южнокорейского режима против народа северной части полуострова.

Но сегодня нам предстоит быть свидетелями события иного порядка. В Панмынчжоне с лета 1971 года идут встречи делегаций Обществ Красного Креста Севера и Юга Кореи, и одна из них начнется сейчас. По сути дела, это первые контакты на официальном уровне между северянами и южанами.

Надо сказать, власти Сеула никогда не хотели этих контактов и на протяжении многих лет отвергали многочисленные предложения КНДР по сближению Севера и Юга.

Чего только не предлагало правительство Народной Кореи в целях мирного объединения разделенной надвое страны! Совместные меры по налаживанию экономических и культурных контактов. Одновременное взаимное сокращение численности войск. Восстановление почтово-телеграфной связи. Народная Корея предлагала экономическую помощь Югу. Предлагала взять на себя расходы по выкупу арендных земель на Юге для безвозмездной раздачи беднейшим крестьянам. Выразила согласие приютить в КНДР безработных из Южной Кореи (а их там несколько сот тысяч).

Чем отвечал Сеул на эти конструктивные предложения? Молчанием, увертками, отказом. Усилением полицейского давления на оппозицию, дальнейшим подчинением экономики американским и японским монополиям. Новыми припадками антикоммунистической истерии, новой волной милитаризации.

Однако в наши дни даже таким властям, как сеульские, нелегко полностью игнорировать назревшие требования времени. В истекшем году Верховное народное собрание КНДР выдвинуло программу национального воссоединения из восьми пунктов. В основе ее лежит принцип самостоятельного решения вопроса всем корейским народом на мирных и демократических началах, без всякого постороннего вмешательства. Представители Севера выразили готовность вести переговоры с любыми политическими организациями и партиями

Юга, включая и правящую ныне Демократическую республиканскую партию.

КНДР предложила организовать встречи делегатов Обществ Красного Креста Севера и Юга, чтобы обсудить — в качестве первого шага — вопрос о контактах между разделенными семьями и близкими родственниками. Трудно было что-либо противопоставить этому предложению.

...На территорию нейтральной зоны одновременно въезжают «Кадиллак» и «Чайка». Члены обеих делегаций выходят из машин и направляются в помещение для заседаний. Туда никто из посторонних, и особенно журналистов, не допускается. Но можно взобраться на скамейки, установленные вдоль стен коттеджа, и, заглянув в раскрытые окна, все увидеть и услышать. Так мы и поступаем. И не одни мы. В нейтральной зоне полно журналистов. У северокорейских — зеленые нарукавные повязки, у южан — синие. Стрекочут кинокамеры, щелкают затворы фстоаппаратов. Южнокорейские журналисты обильно оснащены японской фотокинотехникой. Северяне меньше суетятся, внимательно слушают и записывают.

В зале мягкий полумрак. За широким столом друг против друга сидят делегаты. Глава северян в темно-синем кителе, с большим красно-золотым значком на груди, его коллеги — в пиджаках и галстуках. В составе делегации Юга выделяются худощавый человек с хорошей офицерской выправкой и невысокая элегантная женщина. На столе — папки с бумагами, чай, сигареты — американские «Кент» и «Честерфилд» вперемежку с пачками «Мангенде» и «Почонбо» — продукцией табачных фабрик КНДР.

Обсуждается повестка дня будущих совместных заседаний, которые предполагается попеременно проводить в Сеуле и Пхеньяне. По вопросу о встречах между разделенными семьями разгорается спор: что считать семьей?

Глава южнокорейской делегации заявляет:

— Семья — это отец, мать, дети, родные братья и сестры. Только их можно считать семьей, только им можно позволить встречаться, переписываться, обмениваться телеграммами и посылками.

Северянин решительно возражает:

— Родные люди разлучены вот уже больше 26 лет. За это время подростки стали зрелыми людьми, обзавелись семьями, у многих — взрослые дети. Как можно запретить деду увидеться с внуками, отцу — с женой сына, с немногими дальними родичами, оставшимися в живых, когда все близкие погибли? Как можно запретить встречи с приемными родителями, наконец, с друзьями детства и юности, которых не видел четверть века? Мы считаем, что необходимо разрешить контакты между всеми родственниками — близкими и дальними, прямыми и косвенными, между друзьями, между приемными родителями и усыновленными детьми.

Смущение за столом южнокорейской делегации. Ее глава заявляет:

— Это сложная проблема. Ее надо обсудить более тщательно, и лучше всего на следующем заседании.

На следующем заседании — значит, через две недели. Делегация КНДР не раз заявляла, что готова заседать хоть ежедневно, лишь бы добиться быстрого решения вопросов, жизненно важных для сотен тысяч разлученных родственников. Но в Сеуле не спешат и, как показали последующие события (когда в начале зимы в Южной Корее было введено чрезвычайное положение с целью обострить обстановку на полуострове), совсем не заинтересованы в сближении южан и северян.

Объявляется перерыв. Журналисты разбредаются по территории нейтральной зоны, фотографируя все, что попадет в объектив. Некоторые садятся на траву и разворачивают принесенные с собой завтраки. Вот и рядом со мной оживленно разговаривают двое. Приглядываюсь: у одного на рукаве синяя, у другого — зеленая повязка. Южанин и северянин. С обеих сторон — широкие, белозубые улыбки. Северянин достает из портфеля кулек с яблоками — темно-красные, весом до полукилограмма яблоки из окрестностей Саривона — и протягивает своему коллеге с Юга. Тот берет, надкусывает. Вытаскивает из кармана бутылку «пепси-колы», угощает северянина.

Ну что ж, можно считать, что между Севером и Югом Кореи налажен не только мирный контакт, но и экономический обмен...

Мы уходим в дом для гостей. Девушки в национальных костю-

мах — светло-оранжевых кофтах-чогори и широких коричневых юбках-чхима приносят душистый женьшеневый чай в небольших фаянсовых чашках с крышками.

Наш знакомый, майор КНА, рассказывает о своих американских «партнерах» — военных полицейских:

— Они очень часто нарушают порядок в нейтральной зоне, провоцируют нас. Любят затевать драки. Вначале они думали, что корейцы — народ физически слабый: наши солдаты худощавы, среднего роста и внешне выглядят не так внушительно, как рослые, упитанные «эм-пи». Но после двух-трех стычек американцы стали осторожнее. Недавно затеяли драку. Их было человек тридцать, наших — гораздо меньше...

Улыбнулся.

— После драки нескольких американцев увезли в больницу. Мы обошлись без потерь. Но главное — теперь в зоне порядок. Помолчал.

— Очень неприятно видеть чужих солдат на своей, корейской земле. Вы меня понимаете...

Мы его понимаем.

Ким Нин Бо зовет нас — пора возвращаться в Кэсон.

...«Волга» снова проскакивает мимо невозмутимых «эм-пи», по-прежнему жующих свою резинку. Мы вновь на территории КНДР. Ким Нин Бо включает приемник. Эфир заполняет мелодия «Тон-доллари» — шедевра старинной песенной лирики. Эту песню знают всюду — и на Севере и на Юге. Она одна — как родина...

Наш корейский коллега цитирует стихи великого поэта XV века Чон Чхольа — пронзительное трехстишие-сичжо:

Два каменных будды
нагие стоят у дороги;
их ветер овевает
и хлещут дожди и метели.
Завидуй! Не знают
они человеческой разлуки.

(Перевод Анны Ахматовой)

Что ему ответить? Мы едем по стране, где у многих тысяч семей по обе стороны демаркационной линии десятилетиями длится «человечья разлука». И нет сомнений, что ее единственные виновники — сеульские власти и их заокеанские опекуны. Дети в красных галстуках стайками выбегают на шоссе, машут нам вслед. Хочется верить, что они будут жить в воссоединенной стране.

Кэсон — Москва

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Сколько невольников было вывезено с африканского континента? Восемьдесят миллионов? Шестьдесят? Пятьдесят пять? Сейчас уже трудно определить точную цифру. Ясно одно — работорговля отняла у Африки десятки миллионов жизней.

Первых рабов с континента вывезли португальцы в 1441 году. Позже их примеру последовали голландцы, англичане и французы, не замедлили подключиться к выгодной торговле испанцы, датчане, немцы, американцы. Последний корабль с невольниками отошел от африканских берегов немногим более ста лет назад, осенью 1865 года.

По сей день в Африке сохранились печальные памятники времен работорговли.

Раннее утро в Дакаре. Над океаном встает огромный солнечный шар. Убегают ночные тени. Трава и деревья становятся сочно-зелеными, цветы расцветают огненными, фиолетовыми, голубыми и бордовыми красками. В туманной дымке у горизонта начинают проступать очертания небольшого зеленого острова. Это Горé. Африканцы называют его Островом Слез.

Попасть на Горе очень просто. Вы платите 50 франков в будочке Дакарского порта и занимаете место на стареньком пароходике. Проплыв мимо громадных океанских сухогрузов и танкеров, стоящих на рейде, минут через двадцать суденышко пришвартовывается. Перед вами — узкая полоска пляжа и разноцветные крыши небольших домов. На высоком скалистом берегу — бетонированные укрепления, устремленные слепыми бойницами на запад. Это остатки французской крепости, построенной перед первой мировой войной.

Остров невелик, его можно исходить вдоль и поперек за несколько часов. Живет на нем около тысячи человек. На маленьком рейде — только утлые рыбацьи пироги. Несколько раз в день приходит катер и привозит туристов и любителей солнечных ванн.

На небольшой площади с желтыми и красными глиняными домиками разместилось здание полицейского участка — самое старое на острове. На берегу валяются громадные черные пушки береговой артиллерии прошлого века.

Мореплавателям Горе был известен с давних времен. Рассказывают, что его открыл португалец Д. Диас в 1444 году. Как важный пункт работорговли остров процветал уже в XVII веке. Сюда свозили «живой товар» со всего западного побережья Африки. Держать невольников до отправки за океан здесь было надежнее, чем на материке. Если кто-нибудь и пытался бежать, у него практически не было шансов добраться живым до родных берегов. Акулы Атлантики никогда не страдали отсутствием аппетита.

Мы подходим к «невольничьему замку». На террасы, опоясывающие его, выходят оконца подземелий, где содержались тысячи гемнокожих рабов. Спускаемся вниз. Пронизывающая до костей сырость. Мокрые каменные стены, в которые вделаны железные кольца — к ним приковывали непокорных. Тяжелые ржавые цепи... Отсюда у человека было только два пути: один — в порт, на корабль работорговца, другой — на узкую береговую кромку над пропастью, куда сбрасывали тела тех, кто не выдерживал неволи.

Африка наших дней не забывает и не хочет забывать трагических страниц своего прошлого. Работорговли нет, но еще сохранились последние колонии (одна из них по соседству с Сенегалом — в Гвинее-Бисау), очаги расистского гнета и рабства на юге континента.

И горестные памятники на острове Горе напоминают нашим африканским современникам о том, что прошлое не должно повториться.

Дакар

Д. ЦЮРУПА,

собственный корреспондент журнала
в странах Западной Африки

БЕЗУСЛОВНО, у Дар-эс-Салама есть и более сложные загадки и проблемы, чем название города или смысл отдельных исторических памятников. Вот одна из них, — пожалуй, самая главная. По последней переписи, в 1967 году в столице насчитывалось 272 515

ОГНИ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА

В. САВЕЛЬЕВ

*Собственный
корреспондент журнала
в странах Восточной Африки*

жителей, а все население страны составляло 12 231 тысячу человек. Демографы подсчитали, что за последнее время общий прирост населения в Танзании в среднем составляет 2,7 процента в год, в то время как Дар-эс-Салам растет со скоростью в десять процентов. Если так будет продолжаться, то где-то в середине 80-х годов на него придется десятая часть всего населения республики.

Определенная часть сельских жителей, главным образом молодежь, стихийно старается оторваться от земли, уйти на заработки в город. Именно за счет притока сельской неквалифицированной рабочей силы и создается высокий процент роста населения Дар-эс-Салама. В городе пока не ощущается острой проблемы безработицы. Тем не менее бурный приток деревенской молодежи уже начинает оформляться в определенную социальную проблему. Вместе со стихийным ростом города увеличивается, например, преступность.

Министр финансов Танзании А. Джамаль, выступая на сессии Национальной ассамблеи с проек-

том бюджета на 1971/72 финансовый год, предложил, в частности, увеличить импортную пошлину на различные механизмы для поднятия и транспортировки тяжестей до 30 процентов их стоимости, обосновав свое предложение так: «Было бы нереалистично полагать, что такая мера поможет намного увеличить занятость рабочих, но если она заставит управляющих компаниями лишней раз задуматься над выбором между местной рабочей силой и ввозимой техникой для определенных транспортных и складских операций, то уже это пойдет на пользу».

Разумеется, такой путь частичного ограничения механизации производства за счет более широкого привлечения дешевой местной рабочей силы может рассматриваться лишь как временное явление, до некоторой степени тормозящее рост безработицы. Тем не менее оно свидетельствует о том, что проблемы перенаселения города и занятости рабочей силы начинают уже вызывать определенные опасения в правительственных кругах.

Это явление не представляет собой нечто специфическое только для Дар-эс-Салама. Скорее наоборот: проблема урбанизации и роста городских низов в Дар-эс-Саламе ощущается гораздо меньше, чем, например, в столице соседней Кении — Найроби, где преступность достигла поистине угрожающих размеров и уже переросла в формы организованного гангстерства.

Необходимо также отметить, что муниципалитет Дар-эс-Салама и городские организации партии ТАНУ проявляют немалую заботу о социальном благоустройстве города. На моих глазах в Дар-эс-Саламе исчезли нищие. Министр внутренних дел Танзании С. Масванья, выступая недавно на пресс-конференции, подчеркнул, что в задачи правосудия входит не только наказание преступника, но и — в первую очередь — его перевоспитание. На прошедшем в августе 1971 года семинаре Молодежной лиги ТАНУ был поставлен вопрос об организации службы общест-

венного порядка, по сути своей напоминающей наши народные дружины.

НЕ СДАЕТСЯ ВНАЕМ

Другое явление представляет собой нечто весьма специфическое именно для Дар-эс-Салама. Это тоже произошло у меня на глазах, и я стал не только свидетелем, но и невольным участником событий, вернее, лицом, непосредственно заинтересованным.

В самом начале очерка я писал, что первые слова, которые я услышал на русском языке в аэро-

порту Дар-эс-Салама, были несколько обескураживающими. Речь шла о трудностях с жильем. И вот после нескольких дней в гостинице, после того как первое идиллическое восхищение первозданной красотой природы несколько спало, я вплотную занялся поисками помещения под корпункт. Эти поиски заняли у меня несколько месяцев. Оказалось, что в Дар-эс-Саламе ничто не сдается внаем. Вы можете купить домик или квартиру, но не арендовать. Не то чтобы правительство запрещало сдавать внаем, так сказать, излишки площади, нет. Просто, чтобы обойти высокий налог на ренту, домовладельцы предпочитали заключать фиктивные контракты о купле-продаже и тем самым получать большой доход с капитала, вложенного в строительство жилых домов и на него строить новые и новые дома. Надо сказать, что «излишки» у некоторых были довольно крупные, измерявшиеся тысячами квадратных метров в многоэтажном доме, хозяин которого зачастую ютился с семьей где-нибудь в скромной малометражной квартирке, единственным украшением которой служила солидная чекочная книжка.

Такой «бизнес» стал одним из видов выгодного помещения капитала в Дар-эс-Саламе еще в колониальные времена. Отсутствие крупных промышленных предприятий, монополизация производства экспортных сельскохозяйственных культур в руках европейцев

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 1 и 2 за 1972 год.